

СЛУЖИЛАЯ ГРУППА ДАГЕСТАНСКИХ ФЕОДАЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ

В историографии ни в одном исследовании, посвященном периоду феодализма и изучению классов и сословных групп, не выделяются как особая группа служилые люди. Они, как правило, даются при характеристике административного управления той или иной феодальной структуры и главным образом структуры управления феодальных правителей. Между тем, если исходить из того, что феодальные владения Дагестана являлись небольшими государствами, и проводить аналогии с любым государством, где среди других классов и сословных групп выделяются и государственные служащие как особая группа населения, выражающая интересы государства и господствующего класса, то мы считаем логичным выделить служащих феодальных правителей в особую группу под названием служилая группа феодальных владений Дагестана. Служилые люди имелись во всех феодальных владениях Дагестана, где больше, где меньше. В целом они были схожи между собой и даже в большинстве случаев имели одни и те же названия, как, например везир, назир, мурза, посланник, представитель, доверенное лицо, служащий, слуга, секретарь (все это по русским источникам) и т.д. Причем в качестве служащих феодальных владетелей выступали их родственники (сыновья, братья, дяди), представители знатных и богатых семей, представители высшего мусульманского духовенства, уздени и т.д.

По сравнению с другими сословными группами класса феодалов служилых людей в феодальных владениях было немного, так как эта группа в основном не была наследственной знатью, получившей какую-то должность у феодального правителя после смерти отца или другого служилого человека. И главное - этих служебных постов или должностей в любом феодальном владении было немного, и их численность хотя и зависела от величины владения и личного двора владетеля или правителя, но даже в самом большом из них, например, в Тарковском шамхальстве, их было не так много. Да и в их многочисленности на практике и не было необходимости. Если даже допустить, что в каждом дагестанском феодальном владении приблизительно их было 10 человек, то по всему Дагестану их набралось бы не более 150 человек.

Но служилыми правителей были и нукеры-дружинники, которые имелись у всех феодальных владетелей, некоторые из них имели постоянно по 200-300 человек. Если даже в среднем предположить приблизительно наличие нукеров в 100—150 человек в каждом феодальном владении, то получится внушительная цифра - 1500-2500. А если учесть и то, что фактически дружинниками были и так называемые «княжеские» сала-уздени засулакских владетелей - князей, то эта цифра еще увеличится. Так что, если мы решили исследовать вопрос о служилых отдельно, то, думается, это оправданно и здесь нет никакого криминала.

Надо полагать, что служилые люди появились как отдельная социальная структура общества с образованием первых государственно-политических структур, так как правителям нужны были люди, обслуживающие их, нужны были помощники для управления народом, для общения с другими политическими структурами, нужны были люди, охраняющие их. И это естественно, ибо выделение одной личности требовало и появления ее окружения, людей, помогающих ей, людей, проводивших ее политику и претворяющих ее решения.

Что у первых феодальных владетелей были дружинники, не вызывает сомнений. Но о других служилых особах источники не говорят, хотя не может быть сомнения, что владетели имели свое окружение, которое проводило их политику. Первые упоминания о служилых людях владений Дагестана дают нам историографы Тимура Низам ад-Дин Шами и Шереф ад-Дин Йезди. Согласно первому из них, после того как в 1396 г. был

убит предводитель Газикумуха, к Тимуру прибыли с изъявлением покорности и «признанием своей вины» «эмиры гази-кумуков, ходжи и вельможи» (*Тизенгаузен В.Г.*, 1941. С. 124). Шереф ад-Дин Йезди по-иному писал об этом событии: «... в это время пришли старшины (калантары) казикумухские и аухарские (т.е. аварские. - Авт.) вместе с тамошними кадиями и вельможами (акабир)» (*Тизенгаузен В.Г.*, 1941. С. 186).

Комментируя сказанное, А.Р. Шихсаидов пишет: «Амиры, упоминаемые в тексте, это представители шамхальского дома, стоявшие, очевидно, во главе отдельных отрядов шамхальского войска. Это наиболее влиятельная и самостоятельная часть феодальной верхушки после шамхала и крым-шамхала, точнее - беки, хотя этот термин и не употреблен. Представители духовенства названы казнями (или ходжи), а вельможи (акабир) - это, по всей вероятности, представители богатой сельской верхушки» (*Шихсаидов А.Р.*, 1975. С. 133-134.). Под «калантарами», он полагает, имеются в виду предводители «отдельных отрядов аварского и кумухского юиска» (*Шихсаидов А.Р.*, 1975. С. 134.). Соглашаясь со всем сказанным, можно предположить, что под вельможами имелись в виду и служители шамхала и аварского нуцала, как это было и в поздних источниках.

А. Олеарий, побывавший в Дагестане в 30-х гг. XVII в., писал, что когда шли по территории уцмья Кайтага, их встретил сын князя Рустама с 15-ю всадниками в латах (*Олеарий А.*, 1906. С.492). Затем, описывая Тарковское владение, он писал, что рядом с правителем Тарки Сурхай-ханом «живут еще другие мурзы, его двоюродные братья. Младший из них, сын его брата, Имам-мирза, управлял также частью города» (*Олеарий А.*, 1906. С.498^99).

Первые упоминания о служилых людях различных феодальных владений равнинного Дагестана мы встречаем у А.И. Лопухина, проходившего через эти земли в составе русского посольства в 1718 г. Первым владением, через которое проходило посольство, было Дербентское, и он писал, что дербентский султан присылал к ним «своего писаря Мурзу» (*Лопухин А.И.*, 1958. С. 21).

Когда посольство было еще в Дербенте, уцмий прислал сюда своего дворецкого по имени Сали, «которой по приезде своем был у нас и поздравлял от усмия дворенину» (*Лопухин А.И.*, 1958. С. 23). В других местах он дается как Салей, а также как «усмиев назырь» (*Лопухин А.И.*, 1958. С. 24-25). В Дербент приехал также «от Алдигирея свойственник ево Аджи Челпуг», который сообщил, что «завтра будет от усмия везирь да назырь к салтану с тем», чтобы взять их с собой «и проводят до Тарков сохранно» (*Лопухин А.И.*, 1958. С. 26). Причем, этот служилый Адиль-Гирея - Аджи Челпуг имел «свою деревню Молукент ... близко Дербени» (*Лопухин А.И.*, 1958. С. 15). Далее из описания А.И. Лопухина видим, что функции государственных служащих выполняли и родственники уцмья. Он сообщал, что «от границы дербентской поехали» они с «уцмиевым братом и сыном ево» в Кайтагское уцмийство (*Лопухин А.И.*, 1958. С. 31). Брат уцмья и его сын встречаются у А.И. Лопухина и при описании других различных событий. В качестве служилых людей у уцмья, которые должны были провожать и охранять русское посольство до владения буйнакского Муртузали, брат уцмья и его сын оставили двух «знатных мурз и с ними человек с 20 людей...» (*Лопухин А.И.*, 1958. С. 32). А когда ехали в Буйнак к посланникам, пришли «дятка Муртузалеев и салтан Мамутовы, два человека знатные, усмиев брат двоюродной», а потом утамышский «салтан Мамут великим людством» (*Лопухин А.И.*, 1958. С. 34). По пути в Буйнак на русских посланцев напали «салтан Мамут, сам усмиев брат двоюродной с людьми усмиевыми, Муртузалеев дятка с людьми Муртузалиевыми» (*Лопухин А.И.*, 1958. С. 34). Среди убитых был и «один знатной мурза именем Мамулай, которой дяткою был у салтана Маамута» (*Лопухин А.И.*, 1958. С. 52). Отмечая, что в Тарках были невольницы из русских, А.И. Лопухин писал, что они жили у мурз. Причем он отмечал, что мурзы являлись «люди знатные» (*Лопухин А.И.*, 1958. С. 42). Когда посольство пришло к Тарки, дербентский султан прислал «два человека ис курчиев для проведывания (выяснения. - Б.А.)... грабежу... кто ... такое бедствие учинил» (*Лопухин А.И.*, 1958. С.43). Сюда же приехал и

посланец аксаевского правителя «салтан Мамута... один мурза» по имени «Акшай, которой привез к дворянину письмо от терского каменданта» {Лопухин А.И., 1958.С43}.

К этому же времени, т.е. к периоду до похода Петра I в Прикаспий относятся сведения о служилой группе шамхальского окружения. В предписании Петра I астраханскому губернатору А.П. Вольнскому от 11 марта 1720 г. говорится о посланце шамхала Адиль-Гирея Мамет-беге, Алыпкачеве сыне, как брате шамхала (Русско-дагестанские отношения... 1958. С. 233), а в грамоте Петра I к шамхалу Адиль-Гирею от 11 марта 1720 г., кроме него, указан и узден Ахмет, являвшийся также посланцем правителя шамхальства. Причем в конце грамоты отмечено, что с Мамет-бегом были и уздени (Русско-дагестанские отношения... 1958. С. 234-235). В письме шамхала Адиль-Гирея канцлеру графу Г.И. Головкину от 23 января 1721 г. сказано о посланцах шамхала Айдаре-Ага и Имам-Бердее. Причем второй из них назван секретарем шамхала (Русско-дагестанские отношения... 1958. С. 238). В одном из прошений шамхала Адиль-Гирея от 23 января 1721 г. его посланцем опять назван брат Мамет-бег. В письме шамхала Адиль-Гирея Петру I от 16 августа 1722г. сказано, что русские солдаты «взяли ясырей у везира моего 3 человека, да и дворецки 4 человека» (Русско-дагестанские отношения... 1958. С. 248-249), т.е. это свидетельство наличия у шамхала государственных чиновников - везира и дворецкого. Причем везиров было у шамхала несколько, что видно из его письма Петру I от 16 августа 1722 г., где сказано: «Еще прошение к стопам вашего величества мое нижайшего было об моих двух везирей, а именно о шейхе Мухамет-Шерифе и Мухамет-Салихе, которым прежде всего от шаха бывало жалованье так же и обнадежены они были, что и от вашего величества будут они удостоены вашего величества жалованьем, когда прибудет в Терек астраханской губернатор» (Русско-дагестанские отношения... 1958. С.250). Везиры шамхала упоминаются и в других письмах шамхала Адиль-Гирея (Русско-дагестанские отношения... 1958. С. 263, 275).

Из прошения уцмья Ахмед-хана к Петру I от 23 августа 1722 г. мы узнаем, что он послал в Санкт-Петербург с двумя лошадьми «Мирзу-бека, Востек-Акая и Хойчу-Акая» (Русско-дагестанские отношения... 1988. С. 38). Служилые люди правителей Дагестана упоминаются и в источниках послепетровского периода. В частности, такие сведения имеются в работе Я.А. Марковича, находившегося на военной службе в Дагестане в 1725-1727 гг. в чине полковника. На разных листах работы упоминаются различные служилые лица, в частности «толмач шамхалов», пришедший в русский лагерь с сообщением, что шамхал «пришлет аманатчиков» (Русско-дагестанские отношения... 1988. С. 177-178). В другом месте он писал, что шамхал «з своим узденями послан под караулом в крепость ст. Креста» (Русско-дагестанские отношения... 1988. С.180). Далее он писал о приезде в русский лагерь «племянника шафкальского» «з своими узденями» и дал присягу «на верность ее величеству» (Русско-дагестанские отношения... 1988. С. 181). Он писал также о служилых людях уцмья Кайтага, который прислал посланца с сообщением, что «аманатов отдал уже в Дербен» (Русско-дагестанские отношения... 1988. С. 181). Затем приехал он сам «з 500 человек» (Русско-дагестанские отношения... 1988. С. 190). Интересно следующее сообщение Я.А.Марковича: «Посиланние (т.е. посланцы. - Авт.) сегодня отсюда до с усмея, повернулись купно (вместе. - Авт.) з Узденем ближайшим усмеевим, башлибек, тоесть городка Башли первый з начальник называючимся» (Русско-дагестанские отношения... 1988. С. 189). Узденем, как видим, здесь назван градоначальник центра уцмийства Башлы. Не может быть сомнения, что это крупный и знатный служилый чиновник уцмья узденского происхождения. В грамоте Анны Ивановны уцмию Ахмед-хану от 8 сентября 1730 г. она сообщала, что ею был принят его посланник Шамседин-ага (Русско-дагестанские отношения... 1988. С. 181).

Уздени на службе у феодальных правителей были и в других владениях. Так, по свидетельству того же Я.М. Марковича, в русский лагерь владелец «буднацкий (буйнакский. - Авт.), Мадий, сын Муртузалея брата шафкалового,.. в племянник шафкальский, приехал в лагерь з своими узденями и присягу» принял «на верность ея величеству» (Дагестан в известиях.. 1992. С. 180). По его же сведениям, арестованный

шамхал Адиль-Гирей был «послан под караулом в крепость ст. Креста ... з своими узденями» (Дагестан в известиях... 1992. С. 180), которые, надо полагать являлись служилыми шамхала.

В письме астраханского губернатора А.С.Жилина от 31 января 1760 г. кизлярскому коменданту И.Л. Фраундорфу сообщалось, что Фатали-хан прислал «человека» по имени Кебек-бек. Из Аксая в мае 1762 г. в Кизляр для торговых дел прибыли «уздени» князя Каплана: Сеит Фазулаев, Кулиш Баксанов, Аксай Аташев, Абдулла Чучеков и Али Уршанов, а из Эндирея - узден князя Темира Баммат Шафиев. Упоминаются везир шамхала Абдулла, а также некие Агали Халабердыев с «одним товарищем», отправленный в Костек, и Чопан Алавердыев, отправленный в Аксай «для вымену хлеба». В июле 1763 г. в Кизляр из Аксая прибыл посланец Кады Утешев. В рапорте командующего на Кавказской линии П.С. Потемкина от 1 января 1783 г. заместителю астраханскому и азовскому Г.А. Потемкину сообщалось о прибытии в Астрахань «ближайшего ханского (Фатали-хана. - Авт.) чиновника Кызырбека. Тогда же упоминается посланник Фатали-хана Юзбаши-бек. По другим данным за март 1786 г., везиром шамхала Бамата был Лаварслан, а чиновником некий Гасан, почетным чиновником уцмия - Магомед-Али, чиновником Ума-хана - Даду, чиновником Фатали-хана Мирза Садыки, опять упоминается везир шамхала Лаварслан, почетный чиновник уцмия Магомед-Али, посланец уцмия Устар-хан, посланник Хамзы, «посланники» шамхала в Петербур Лаварслан, Садыки Умар, мурза Умукай. В различных документах как чиновники упоминаются и эмчеки казанищенского владетеля Бамата - Муташ, «ближайшие эмчеки шамхала Баба и с ним Ибрагим и Пулат, его «ближайший человек» Ага Усейн, посыльный Алхас (Русско-дагестанские отношения... 1988. С. 91, 103, 130, 143, 145, 175, 187, 181, 189, 191, 208, 210, 215, 216, 224, 243) и т.д. и т.п.

Приведем еще документ общедагестанского значения, где даны служилые чиновники многих феодальных владетелей, которые от их имени заключили (подписали) договор в Георгиевске 28 декабря 1802 г. Среди них были: чиновник Шихали-хана Медет-бег; чиновник шамхала Мехти Ирза-бек; уцмия Кайтага Рустем-хана чиновник Ахмет-ага; другого «правителя округа сей» Рази-хана чиновник Узней-бек; владетеля Табасарана, кадия Рустем-хана чиновник Мамед-бек; «высокостепенных сей же Табасаранской округи владельцев Сохраб-бек маасума, чиновник его Нур-Мамед-ага Мустафаев и Махмуда, брата владетеля округи Табасаранской, кадия, чиновник его Ших-мулла» (Русско-дагестанские отношения... 1988. С. 258).

Может возникнуть вопрос, для чего все перечисленное дано так довольно подробно. На этот вопрос можно ответить очень просто — приведенные сведения показывают, что у феодальных владетелей была целая группа, состоявшая из выходцев различных групп населения, которые привлекались для выполнения той или иной государственной работы. Это прежде всего близкие родственники феодальных правителей — сыновья, родные и двоюродные братья, дяди, известные в приведенных источниках как мурзы, знатные люди из окружения феодальных владетелей, занимавшие должности везиров и назиров, и даже люди, жившие в других местах, а не в резиденциях владений, чиновники, посланцы, «ближние люди», «ближние эмчеки» и, конечно, дружинники-нукеры, постоянно сопровождавшие владетелей и их чиновников, когда они выезжали для выполнения того или иного задания.

Но для полноты списка служилой знати, чиновников дагестанских владетелей считаем необходимым более конкретно остановиться на основных феодальных владениях, так как приведенные материалы не дают полной картины, в них отсутствуют сведения о чиновниках владений Засулакской Кумыкии, Казикумухского, Аварского, Дербентского, Мехтулинского и Кюринского ханств, Илисуйского султанства и т.д. И, кроме того, в них не дается характеристика всех служилых чиновников, которые находились в различных феодальных владениях, хотя и из приведенных выше сведений видно, что круг служилых людей феодальных правителей был довольно широким, начиная с главных из них везиров и назиров и кончая посланцами, которыми могли быть

и высокопоставленные чиновники, привлекавшиеся для важных сообщений российским царям и высокопоставленным царским чиновникам на Кавказе.

Больше всего сведений о служилых людях по кумыкским владениям, которые больше были связаны с Россией. Постоянно их владельцы посылали в столицу и другие города, в частности Кизляр, своих представителей - служилых людей для решения различных вопросов. Большое внимание характеристике служилых кумыкских владений уделили в своих исследованиях Р.М. Магомедов, С.Ш. Гаджиева и А.С. Акбиев. В их работах часто даются сведения об одних и тех же персонах, являвшихся служителями шамхала Тарковского или князей засулакских владений. Но прежде отметим, что встречающиеся нередко в качестве служилых мурз, по мнению Р.М. Магомедова, являлись наиболее высокопоставленными служилыми представителями класса феодалов. Он приводил примеры, когда мурзы находились при родственниках феодальных правителей Кумыкии, в частности шамхала Тарковского, в свою очередь, при мурзах находились уздени, как об этом писал Р.М. Магомедов на основе архивных источников, приведя пример о прибытии в Казань мурзы шамхала Адиль-Гирея по имени Баммат Алыпкачев, при котором было «узденей пятнадцать человек» {Магомедов Р.М., 1957. С. 176}. Анализ использованных им источников привел Р.М. Магомедова к выводу, что «в мурзах надо видеть определенную прослойку господствующего класса» {Магомедов Р.М., 1957. С. 176}. Продолжая рассуждать о мурзах, он остановился также на вопросе их происхождения и писал, что они «не могли принадлежать ни к шамхальскому, ни к бекскому домам, хотя стояли ближе к ним, чем, например, сала-уздени и были более почетны» {Магомедов Р.М., 1957. С. 176}. И далее он писал: «Но если учесть, что мурзы у всех тюрко-татарских народов этого времени считались дворянами, то можно строить предположения и в отношении кумыкских мурз. Можно полагать, что термин «мурза» - остаток господства татаро-монгольской эпохи. Носители этого звания, очевидно, в свое время занимали видное место, но с течением времени потеряли его. Так, по-видимому, было и с кумыкскими мурзами. Еще в XVIII в. они продолжали свою роль в прежнем наименовании, но впоследствии совершенно растворяются в общей массе первостепенных узденей» {Магомедов Р.М., 1957. С. 176}.

С.Ш. Гаджиева не писала и мурзах, а А.С.-М. Акбиев, также исследуя кумыков, пишет, что в документах по русско-дагестанским отношениям «обычно вслед за именем указывается и титул - бек или мурза, если человек, упоминаемый в грамоте или письме, был из числа знати. Рядом с именами шамхальских визирей нет титула бек или мурза, следовательно, как нам думается, они не были представителями бекского сословия» {Акбиев А., 1998. С. 95; 2000. С. 168}.

На высшей ступени служилой знати в Кумыкии находился везир. «Везир был вторым лицом после шамхала» {Магомедов Р.М., 1957. С. 193}. Еще Э. Челеби писал об этом, когда отмечал, что на совете, который шамхалом созывался периодически для решения важных дел, где присутствовали наиболее влиятельные феодалы, везир Таки-хан перечислен среди них - «ханов правителей страны», первым (Челеби Э., 1979. С. 109—110). Интересно, что, по имеющимся сведениям, в шамхальстве было несколько везиров. Так, в годы правления шамхала Адиль-Гирея везирами были Мухамет-Салих, шейх Мухамет-Шариф, Айди и Имам-Верди, о которых было сказано и выше. Называя их «высшими сановниками», Р.М.Магомедов писал, что они находились не на одинаковом положении. «Быть может, шамхалы, подражая восточным правителям, завели себе сразу нескольких везирей, один из которых играл роль главного» {Акбиев А., 1998. С. 95; 2000. С. 168}. Чаще всего из указанных везиров в XVIII в. упоминается в документах Мухамет-Салих, а остальные стояли за ним. «Можно полагать, - писал Р.М.Магомедов, - что Мухамед-Салих был своего рода премьер-министром шамхала». А Мухамед-Шариф, «являясь шейхом, сочетал в себе духовный сан с гражданскими делами» {Магомедов Р.М., 1957. С. 194}. Везиры, как видно из перечисленных документов, решали важные государственные дела, выступая «как вполне официальные лица» {Магомедов Р.М., 1957. С. 193}. Так, один из упомянутых выше везир Айди (или Айдар) встречается еще и как

секретарь шамхала (Русско-дагестанские отношения... 1988. С. 238). Кроме того, на что обратил внимание и А.С. Акбиев, «некоторые из визирей исполняли свои обязанности при двух шамхалах, как, например, Абдулла, который долгое время был везиром шамхала Хасбулата, а затем занимал ту же должность при шамхале Магомедом (Русско-дагестанские отношения... 1988. С. 133), или Лаварслан, бывший везиром при шамхалах Муртузали и Бамате (Русско-дагестанские отношения... 1988. С. 176). «По-видимому, - пишет А.С. Акбиев, - это были опытные политики, пользующиеся влиянием среди феодалов» (Акбиев А., 1998. С. 96; 2000. С. 166). Он пишет и о наличии у везиров широких полномочий, в частности, что они исполняли и карательные функции, в их ведении «находилась и дипломатическая служба. Нередко, в виду важности тех или иных переговоров, они сами исполняли функции послов» (Акбиев А., 1998. С. 96; 2000. С. 166).

Везиры - это важные чиновники. Их должность «была весьма почетной, визирям оказывалось внимание не только со стороны иранских шахов, крымского хана и русского императора. Когда в августе 1722 г. кумыкские владельцы посетили Петра I на реке Сулак, с его стороны было отдано жалованье оставленному от Адиль-Гирея-шамхала визирю на 100 руб. товарами и сукнами и мягкой рухлядью». Комментируя данный документ, А.С. Акбиев пишет: «Подарки, получаемые визирем, равнялись подаркам засулакским владельцам Чопану и Мусалу. В этом усматривается равенство в их положении» (Акбиев А., 1998. С. 94; 2000. С. 167). Об этом же свидетельствует обращение к ним, как, например, в письме кубанского сержанера Адиль-Гирея-Султана к шамхалу Хасбулату и его везиру Ажи Мамету - везир именуется «ваше почтенство и мой государь» (ЦГА РД. Ф.339. Оп. 1. Д. 47. Л. 477; Акбиев А., 1998. С. 94). Поэтому везиры и наделялись большими полномочиями. Интересно, что иногда они выполняли и торговые поручения шамхала, что подтверждается письмом шамхала Хасбулата кизлярскому коменданту А.П.Девицу, в котором сообщалось о посылке везира Абдуллы с узденями «для купечества» в Кизляр» (ЦГА РД. Ф. 339. Оп. 1. Д. 47. Л. 477; Акбиев А., 1998. С. 94).

Везирами были не только выходцы из духовенства, но и из узденей. Как пишет А.С.-М. Акбиев, они назначались «из числа лучших и почетных узденей» как людей, наиболее преданных шамхалу. Но, по его предположению, «такие люди не сразу становились визирями. Эту должность они должны были заслужить многолетней службой, выполняя различные поручения шамхала сначала в роли мирз, секретарей, доверенных лиц и посланцев» (Акбиев А., 1998. С. 96; 2000. С. 169). Так, везир Адиль-Гирея Айдар в документах за январь 1721 г. упоминается как посланец шамхала, а в 1724 г. он уже шамхальский везир (Акбиев А., 1998. С. 96; 2000. С. 169). То же самое можно сказать о везире Имам-Верди (Русско-дагестанские отношения, 1988. С. 50).

От шамхала везиры не получали жалованья - «деньги и подарки им выплачивались либо от иранских шахов, либо от русского правительства (выше мы приводили пример, как один из везиров получил от Петра I 100 руб. и разные вещи. - Авт.), а иногда от обеих сторон сразу, в зависимости от ориентации шамхала» (Акбиев А., 2000. С. 167).

В целом, завершая разговор о везирах, еще раз отметим их разнообразные функции. Они ведали делами не только внутреннего управления и внешнеполитическими вопросами, возглавляя «дипломатическую службу» — различные посольства в Россию, Персию, Азербайджан, Северный Кавказ и т.д., но управляли также финансами, фискальством и т.д.

Ниже по положению за везирами находились назирь. Говоря о Садах-назире (Магомедов Р.М., 1957. С. 194), Р.М. Магомедов писал, что он «ведал финансами и другими работами» (Магомедов Р.М., 1957. С. 194). Расширяя сказанное, А.С. Акбиев пишет, что назир «следил за поступлением ясака в шамхальскую казну, за рахтарными сборами, ездил за жалованьем для шамхала». О других видах работ назира он пишет далее: «Интересен факт, когда бывший при Адиль-Гирее назиром Садах-ага одновременно являлся и дворецким шамхала (Русско-дагестанские отношения... С. 274). «Видимо, эти должности предполагали схожие обязанности и их исполнял один человек. Как дворецкому, вышеупомянутому Садах-ага приходилось следить за сохранностью

имущества шамхала, за поступлением продуктов в дом правителя, организовывать обеды со знатью, приемы послов и т.п.» (Акбиев А., 1998. С. 96; 2000. С. 169-170).

За везиром и назиром третьим по служебной лестнице шамхала находились дворецкий, которого Р.М. Магомедов назвал мирза, и писарь. Выше было отмечено, что эти функции выполнял и назир. Но Р.М. Магомедов приводил пример наличия у Адиль-Гирея дворецкого имама Бердая и писаря Жембулатова, который «доставлял наиболее важную переписку за пределы шамхальства» (Магомедов Р.М., 1957. С. 194). При этом он ссылается на архивные источники (РГАДА Колл. инд. дел «Кумышские дела». Д. 3. Л. 51). Но других сведений о мирза как дворецких мы не имеем.

В шамхальстве, по сообщению Э. Челеби (*Челеби Э.*, 1979. С. 106), была должность кадиаскара — верховного судьи при дворе шамхала. На приемах шамхала или ханских советах он сидел ниже шамхала, но выше знати. Это был верховный судья.

Выше мы приводили сведения и о наличии в шамхальстве «почетных чиновников», в частности таким был один посланец шамхала по имени Гасан, приехавший вместе с везиром Лаварсланом для принесения присяги на верность России от лица шамхала (Русско-дагестанские отношения... 1988. С. 189).

Как пишет А.С. Акбиев, взиманием хараджа в различных частях шамхальства занимались специальные сборщики. Имелись здесь поборщики торговых пошлин - мытники. Этой работой занимались также дарга или приставы. «Они же, - пишет он, - очевидно, являлись и смотрителями на базаре и в посаде» (Акбиев А., 2000. С. 171).

В приведенных документах по русско-дагестанским отношениям имеются сведения и об эмчеках и аталыках, посланцах шамхала. Но, как пишет А.С. Акбиев, «переговоры с другими государствами от имени шамхала вели специальные послы. Иногда роль послов выполняли представители феодального сословия» (Акбиев А., 2000. С. 171). Он же пишет о наличии в шамхальстве «почетных чиновников», «ближних узденей», выполнявших функции послов, стольников, приставов, мытников, чашников, кравчих и т.д., а также кормильцах детей шамхала (Акбиев А., 2000. С. 174,179).

В обобщенном виде о служилых людях шамхальства С.Ш.Гаджиева писала: «... шамхал располагал штатом придворных, среди которых главное место занимал везир - первый помощник владетеля. В источниках начала XIX в. нет упоминания о главе вооруженных сил, о везире и т.д., зато встречаются «дворецкий»; «сотник», «городовой» и т.д. И.Н. Березин, например, пишет, что «для наблюдения за общественным спокойствием в Тарху существует кала-бек (городничий) из татар, а при нем находятся юзбаши (сотники) и чауши (городовые)» (Гаджиева С.Ш., 1961. С.133-134). Далее она писала: «Функции конюшенных - «карасчы», стальников - «хунчачы», виночерпиев - «аякъчы» и т.д., как правило, выполняли нукеры, рабы и казаки», указывала на наличие в Тарковском шамхальстве главы военной силы - «черив баши», советников и тл (Гаджиева С.Ш., 1961. С. 133-134). Она отмечала также, что и в других феодальных владениях Кумыкии наблюдалось «почти то же самое», указав при этом на отличие отнихзасулакских владений (Гаджиева С.Ш., 1961. С. 134).

Практически аналогичные служилые имелись и в других феодальных владениях Дагестана, сведения о которых нами были приведены выше при перечне документов о русско-дагестанских отношениях. Поэтому, не останавливаясь подробно на них по каждому владению, считаем возможным просто перечислить, какие из них имелись в каждом из владений, если о них имеются конкретные сведения.

Возьмем для примера Кайтагское уцмийство, по служилым людям которого выше уже были приведены сведения. По ним видно, что на службе уцмий были, прежде всего, его близкие родственники - сыновья, братья, а затем «знатные мурзы», «везирь да назырь», «назырь Салей», «дворецкой... Сали» (Магомедов Р.М., 1957. С. 247). «Высшими сановниками уцмий, - писал Р.М.Магомедов, - являлись везири, за ними следовал назир, а затем шел мирза» (Лопухин А.И., 1958. С. 27). Интересно сообщение А.И. Лопухина, что в Дербент уцмий прислал «к салтану везиря своего да назыря Салей, которые пошли... к салтану со объявлением тем, что они приехали по нас» (Лопухин А.И.,

1958. М. 27). Имя везира не названо, но здесь интерес вызывает то, что за русскими посланцами посланы одновременно везир и назир, что говорит о значимости для уцмий русских посланцев, которых нужно было препроводить до Буйнака. Но о важности и влиянии везира говорят следующие слова, сказанные А.П. Вольнскому назиром уцмий. Вот что писал А.И. Лопухин: «... вышеупомянутой усмиев назырь Салей и говорил дворенину про везира своего, что его есть многа в вашем деле у усмий трудов, за что желает, дабы ты его, зато подарил, чем ни на есть, за что охотнее ему будет вам впредь служить». Дворянин ответил, что нет у него ничего, на что назир сказал: «... нет бес того нельзя, естли ты ево ныне чем не подаришь, он у усмий **человек сильной** (подчерк, мною. - Авт.), опасаются того, чтоб он дела вашего не испортил». Поэтому дворянин дал везиру 10 руб., за что он обещал «по возможности своей служить» (*Лопухин А.И.*, 1958. С.27). Но почему-то в описании А.И. Лопухина показана более активная роль назира Салея, чем везира уцмий.

А.И. Лопухин писал и о мурзах уцмий как служителях его. Когда посланники двинулись от границы Дербентского владения, как отмечалось выше, приехавшие сюда брат и сын уцмий «оставили здесь для провожания и караулу двух своих знатных мурз и с ними человек с 20 людей», чтобы они были неотступно при них и проводили «до Буйнаков к Мортузалею во всяком охранении» (*Лопухин А.И.*, 1958. С. 32).

Уцмий, конечно, имел на службе у себя и нукеров, выполнявших различные поручения и прежде всего по охране его личности. О других каких-то служилых людях уцмий сведений нет, кроме приведенных выше А.И. Лопухиным и о посланце уцмий Устар-хана, приехавшем в декабре 1789 г. к командующему Кубанским и Кавказским корпусом И.П. Салтыкову с письмом уцмий о верности России (Русско-дагестанские отношения... 1988. С. 215). Но не может быть сомнения, что у уцмий были и другие служилые, обслуживающие его двор как правителя и привлекающиеся к выполнению разнообразных работ.

Интересные сведения о служилых людях аварского хана имеются в официальных документах. Первое такое сообщение имеется о посланце Ума-хана Аварского за 1790 г., который был послан в Кизляр и там в комендантской канцелярии сообщил, что «Ума-хан послал в чеченские селения «человека своего» (Русско-дагестанские отношения... 1988. С. 216).

Следующие сведения о служилых аварского хана относятся к началу XIX в. В письме Султан-Ахмед-хана к ген. Торماسову от 1809 г. хан просил «исходатайствовать царские милости казию (кадию) всех деревень Аваристана» и сообщал, что «кадий ему один из ближайших визирей». Это Мирза-Магомед-казий, а также «нукеру Магомед-беку и советнику Хаджи-белладу; другому нукеру Али-беку-белладу, - последние два представителя из рода аварских предводителей; третьему моему нукеру. Кайтмаз-беллади, сыну Али-хана-беллади цатаныхского, сообразно их значению» (АКАК, 1870. Т. IV. С. 608) просил того же. Письмо заканчивается словами: «Остальные просьбы и их подробности доложит вам преданный наш нукер Хаджи-беллади и переводчик его Мирза-Максуд Эфенди» (АКАК, 1870. Т. IV. С. 609). Как видим, в источнике указаны везир, нукеры и переводчик. Но интересно, что Хаджи-беллад дан то как советник, то как нукер. Значит, он выполнял разнообразные поручения.

Обратимся к другому источнику. Когда в 1828 г. в крепости Грозной Абу-Султан-нуцал давал присягу «на верноподданство России», с ним вместе были «первосвященник и судья аварский Нур-Магаммат» и восемь узденей (МИДЧ, 1940. С. 130). В 1829 г. в списке депутатов аварского хана, которые прибыли в Петербург для представления Николаю I, числились: «посланник, аварский первосвященник, судья, тайный советник и секретарь аварского двора Нур-Магомед». Затем под грифом «Уздени или дворяне» дается перечень: «Родственник ханский, Магомед бек, Машакай, Ибрагим, Али-бек, Аджиау, Девлет мурза» (МИДЧ, 1940. С. 131). Как видим, среди них есть и родственник хана и мурза, отмеченные выше как служилые шамхала и уцмий.

На основе приведенных сведений Р.М. Магомедов делал вывод, что это был «круг лиц, на которых опирался хан в своей деятельности. У хана были свои визири, т.е.

министры, тайные советники секретарь двора, нукеры и «главнокомандующий аварским войском» (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 112). Таким главнокомандующим при ханше Пахубике был ее родственник Андалав-бек (МИДЧ, 1940. С. 188). Интересно, что в одном документе в качестве служилого указан и эмчек - дядя хана Али-бек (МИДЧ, 1940. С. 188), а в другом - два переводчика (МИДЧ, 1940. С. 130).

Далее он обращал внимание на то, что хунзахский кадий сверх своих обязанностей исполнял должность везира и секретаря при хане и принимал участие во всех важных делах, связанных с делами ханства, для подтверждения чего приводит пример, как кадий написал письмо князю Цицианову в начале XIX в., обвинявшему хана в связи с грузинским царевичем Александром, где выгораживал Султан-Ахмед-хана, говорил о его невиновности, что царевича поддерживают в Аварии (АКАК, 1869. Т. II. С. 768).

В Хунзахе, как столице ханства, находился ханский дворец в квартале «ЩулальутIа», где «находился ханский двор, включающий в себя семью нуцала, нукеров, дворцовую службу, придворную челядь».

«Нуцал, как глава феодальной иерархии, в своей деятельности, - пишет, исследуя Аварское нуцальство, Х.Р. Фаталиева, — опирался прежде всего на совет (диван), на своих советников из числа беков. Дивану подчинялся ряд ведомств: военное ведомство, внешних связей, финансовое ведомство, служба связи и т.д.» (*Фаталиева Х.Р.*, 1999. С. 23).

Подобно аварскому хану, казикумухский хан также имел своих везиров, назиров, дворецкого и кадия (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 291). Это находит подтверждение в воспоминаниях А. Омарова, который писал о наличии в Казикумухском ханстве на услужении хана дворецкого, секретаря хана, смотрителя, караульных (или караульщиков), лазутчиков, слуг и, конечно, нукеров (*Омаров А.*, 1869). Причем, как и в других владениях, отдельные служилые выполняли различные работы. Как писал Р.М. Магомедов, дворецкий одновременно был казначеем, «именуемый назиром» (*Магомедов Р.М.*, 1957. С. 291). К сожалению, других сведений о служилых хана Казикумухского ханства нет.

Сведений по служилым феодальным владетелям Табасарана практически нет, если не считать некоторых из них по XIX в. Исследователь истории Табасарана М.Р. Гасанов пишет: «Видимо, майсум и кадий периодически собирали на совет приближенных лиц и принимали решения. Эти владельцы имели лиц, регулировавших взаимоотношения с соседними народами и странами. В документах они названы чиновниками» (*Гасанов М.Р.*, 1994. С. 202). И далее он приводит уже указанные нами выше сведения о «чиновниках» табасаранских владетелей, которые вместе с другими «чиновниками» владетелей Дагестана 28 декабря 1802 г. в Георгиевске подписали договор. Это представители: владетеля Табасарана, кадия Рустем-хана чиновник Мамед-бек; «высококостепенных сей же Табасаранской округи владельцев Сохраб-бека майсума, чиновник его Нур-Магомед-ага Мустафаев, и Махмуда, брата владетеля округи Табасаранской, кадия, чиновник его Ших-мулла» (*Русско-дагестанские отношения...* 1988. С. 258).

В одном из документов, составленных во второй половине XIX в., читаем, что раньше при кадии табасаранском «много служило влиятельных людей из узденской Табасарани» и поэтому «власть его была действительно на всю Табасарань» (*Памятники обычного права...* 1965. С. 50). Этому способствовала и многочисленность его дружины, как говорится в этом источнике, «служили люди-нукеры из всех деревень» (*Памятники обычного права...* 1965. С. 50). В результате междоусобиц «власть кадия стала падать и на узденскую Табасарань, менее стали служить при нем влиятельных людей из вольной Табасарани, не стали являться на призыв его, так что для поддержания своего влияния там кадии должны были задабривать влиятельных людей подарками и угощением» (*Памятники обычного права...* 1965. С. 50).

Немного сведений и о служилых Дербентского владения. Источники в основном отмечают основных управителей этого владения — султана и наипа. Но не может быть, чтобы все внутренние и внешнеполитические вопросы решались непосредственно ими самими. Не может быть и того, чтобы они не привлекали к этому представителей различных слоев населения. Но, с другой стороны, коль султан ставился персидскими

шахами, в решении важных политических вопросов он не был свободен, без согласования с шахом он не мог принимать каких-то решений. Вместе с тем, когда Дербент освобождался от зависимости от турецких султанов и персидских шахов и он переходил под управление ханов, естественно возникал и штат управления хана, а вместе с ним и штат служилых.

Исходя из сказанного, необходимо говорить о служилых Дербента и его владения. К наиболее ранним сведениям о них относится сообщение А.И. Лопухина о том, что дербентский султан присылал к А.П. Волынскому своего писаря Мурзу {*Лопухин А.К.*, 1958. С. 21}. Мурза здесь дается как имя, а не представитель феодальной сословной группы, как в других феодальных владениях. И с этим надо согласиться, так как представитель феодального сословия вряд ли мог быть писарем. Но здесь интересно, что ему одному поручено увидеться с русским дворянином, возглавлявшим посольство. Упоминает А.И. Лопухин и «толмача самого салтана», «ишагасу ево», а также «меомендаря», который был приставлен к русскому посольству (*Лопухин А.И.*, 1958. С. 25, 26, 27). Опорой султана, по сведениям А.И. Лопухина, была дружина «всегда готовых человек 1000» (*Лопухин А.И.*, 1958. С. 30).

Конечно, у управляющих и владетелей Дербента были, как и повсеместно, люди, которые посылались в другие дагестанские владения, Персию и Россию с различными поручениями. Так, как было отмечено выше, в письме астраханского губернатора А.С. Жилина кизлярскому коменданту И.Л. Фраундорфу от 31 января 1760 г. сообщается, что 23 января «прибыл сюда отправленной от кубинского Фетх-Али-хана человек ево Кебек-бек» (Русско-дагестанские отношения... 1988. С.91). В письме Фатали-хана астраханскому губернатору ген.-м. Н.А. Бекетову пишется, что он отправил «собственного своего человека Ага-Летифа» для покупки красок (Русско-дагестанские отношения... 1988. С.117). В письме Фатали-хана российскому консулу М.Е. Сулякову от 21 июня 1769 г. упоминаются «высокоблагородный и почтенный Кубат-бек» и «верный придворный Агья-бек», которым приказал построить «для российских и протчих купцов гостиный двор» (Русско-дагестанские отношения... 1988. С. 129). В письме Фатали-хана астраханскому губернатору Н.А. Бекетову от 2 октября 1769 г. говорится, что им послан «для покупки муки и протчей пищи нарочный человек ... Мирза Келбали-бек» (Русско-дагестанские отношения... 1988. С. 132). И в других письмах Фатали-хана представителям русской администрации на Кавказе упоминаются его различные посланцы. Среди них «дербентский житель Мамед-Казим», «ближней ... человек, почтенной г-н. Аджи-Рахим-бек», Юзбаши-бек, Мирза Садык, которому Фатали-хан, как писал в письме генерал-губернатору П.С. Потемкину в 1786 г., дал «во всем доверенность» свою и т.д. (Русско-дагестанские отношения... 1988. С. 133, 141, 176,201).

Все это подтверждает, что кубинско-дербентский хан располагал, как и другие владетели Дагестана, служилыми людьми, ряд из которых был наделен большими полномочиями, как близкие его чиновники.

Специалист по Дербенту и Дербентскому владению Н.А. Магомедов пишет и о служилых людях Дербента. Изучая власть и его двор, он отмечает: «Ханы располагали своим двором и многочисленными своими нукерами (мулезимами), слугами. При дворе хана были также чисто придворные должности: заведующий столом, заведующий напитками, заведующий сладостями, заведующий конюшнями и т.д.» (*Магомедов Н.А.*, 1989. С. 69-70; *Петрушевский И.П.*, 1949. С. 119). При этом он пишет: «Главными ведомствами при хане являлись военное и финансовое. Главу финансового ведомства называли саркером (высший саркер). Личным хозяйством хана управляли эшик-агаси (господин двора), а расходной частью ханской казны хазине-агаси (господин казны)» (*Магомедов Н.А.*, 1989. С. 172-173; *Абдуллаев Г.Б.*, 1965. С. 343).

Останавливаясь на духовенстве (шейх-ул-исламы, казии, имамы, газии, мударрасы, шейхи, управители вакуфов, улемы и т.д.), он пишет: «Они же нередко занимали выгодные посты и в аппарате гражданского управления» (*Магомедов Н.А.*, 1989. С. 71). Особо он останавливается на меликах, управлявших небольшими округами, чиновниках

финансового ведомства и нукерах («военных слугах»), среди которых особое место занимали маафы - лица, освобожденные от налогов, податей в пользу ханской казны, но обязанных «нести военную службу по первому призыву хана (Магомедов Н.А., 1989. С. 71-72)

Особый интерес представляет служилая группа Дербентского ханства под названием муафы, о которой хороший материал приводит Н.А. Магомедов (Магомедов Н.А., 2010. Л. 35-37; 86-88). Это военно-служилая знать, которая по своему служебному положению стояла ниже беков, составляя ядро ханского войска. Они несли одновременно и мелкие административные обязанности. «Муафы-нукеры отличное войско хана, которые не только не платили никаких податей и не несли повинностей, но еще получали от хана подарки лошадьми, оружием и другими вещами. Они также употреблялись ханом для разных посылок, поручений и вроде экзекуций, если требовалось от противящегося настоятельного взыскания» (АКАК. 1885. Т. VIII. С. 474). Об обязанностях муафов В.Н. Левиатов писал: «Обязанность муафов состоит в том, что властью бывших ханов были они отправляемы в поход против неприятеля, исполняли распоряжение местного начальства и содержание караула, но не платили в казну податей на сем же основании» (Магомедов Н.А., 2010. Л. 37).

Как пишет Н.А. Магомедов, число муафов могло быть больше или меньше, так как потребность в них в Дербентском и Кубинском ханстве была больше, чем в Шекинском и других ханствах. Институт муафов был органически связан с ханствами, вытекал из их социальной и военно-политической природы (Магомедов Н.А., 2010. Л. 87).

Кроме муафов, в Дербенте были и служилые феодалы, которые составляли «социальное ядро ханской власти, без них невозможно было вести войну и править страной» (Магомедов Н.А., 2010. Л. 37). Вместе с нукерами эти феодалы составляли личную гвардию хана и занимали должности от кендхуда и юзбаши до назира.

Как видно из приведенного материала, служилых людей в Дербенте было довольно большое количество, и притом особенностью здесь было наличие таких терминов, которые не встречаются в других феодальных владениях, что было следствием персидского и азербайджанского влияния.

Особенностью Дербента и Дербентского владения было и наличие здесь служилого бекства, которое из дагестанских владений было только в Кайтагском уцмийстве (Магомедов Н.А., 2010. Л. 87) и Илисуйском султанстве (Петрушевский И.П., 1993. С. 77). Еще И.Н. Березин писал: «Беки, дагестанское дворянство, в других владениях пользовавшиеся разными преимуществами, при дербентских Ханах не имели почти никаких отличий; они должны были служить при Хане по его распоряжению и не владели никакими наследственными имениями, но в награду получали от Хана деревни на неопределенное время, то есть управляли деревней только до тех пор, пока продолжалась ханская милость» (Березин И., 1850. С. 47). Обратил внимание на эту служилую группу беков и В. Линден, который писал, что «звание бека являлось наследственным и пополнение этого сословия извне лицами низшего происхождения практиковалось лишь в виде исключения. Так, некоторые из владетелей (напр., ханы Дербентские), под персидским влиянием, жаловали иногда титул бека состоявшим у них на службе лицам небекского происхождения, сопровождая обычно означенное пожалование во временное или пожизненное их управление одного или нескольких селений, или же, в более редких случаях, ограничиваясь пожалованием одного только титула» (Линден В., 1916. С. 286-287; Данилов Г.Д., 1970. С. 36). Со временем они, превратив временную привилегию в наследственную, сливались с потомственными беками и, как отмечалось в «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге», их в изучаемый период не было (Феодальные отношения... 1969. С. 184).

По остальным дагестанским феодальным владениям о служащих нет практически сведений, хотя не может быть сомнения, что в каждом из них - Мехтулинском и Кюринском ханствах и Илисуйском султанстве - они имелись и выполняли различные работы, различные поручения правителей и занимали в обществе определенное место в сословной иерархии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абдуллаев Г.Б.*, 1965. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку. АКАК, 1885, Тифлис. Т. 8.
- Акбиев А.*, 1998. Кумыки. Вторая половина XVII-первая половина XVIII века. Махачкала.
- Акбиев А.*, 2000. Общественный строй кумыков в XVII-XVIII вв. Махачкала.
- Березин К.*, 1850. Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е изд. Казань. Ч. I-II. Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII—XVIII вв., 1992 / Составл., введ., вступ. статья к текстам и примеч. проф. В.Г. Гаджиева. Махачкала.
- Даниялов Г.Д.*, 1970. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX - начале XX вв. Махачкала.
- Гаджиева С.Ш.*, 1961. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М.
- Гасанов М.Р.*, 1978. Из истории Табасарана XVIII - нач. XIX вв. Махачкала.
- Гасанов М.Р.*, 1994. Очерки истории Табасарана. Махачкала.
- Левитов В.К.*, 1949. Очерки истории Азербайджана в XVIII в. Баку.
- Линдей В.*, 1916. Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис.
- Лопухин А.К.*, 1958. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. М.
- Магомедов Н.А.*, 1989. Органы управления Дербентского владения в первой половине XVIII века // Государство и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала.
- Магомедов Н.А.*, 2010. Образование Дербентско-Кубинского ханства (вторая половина XVIII в.). Махачкала. (Рукопись).
- Магомедов Р.М.*, 1957. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII - начале XIX веков. Махачкала.
- Материалы по истории Дагестана и Чечни. 1940 / Под ред. С. Бушуева и Р. Магомедова. Махачкала. Т. 3. Ч. 1 (МИДЧ).
- Олеарий А.*, 1906. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.
- Омаров А.*, 1869. Воспоминания муталима // ССКГ. Тифлис. Вып. П.
- Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. 1965 / Составл., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.
- Петрушевский И.П.*, 1993. Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX в. / Ред., вступ. статья, коммент., примеч. В.Г. Гаджиева. Махачкала.
- Письмо аварского кадия Мирзе-Магомеда к кн. Цицианову, 1869 // АКАК Тифлис. Т. 2.
- Письмо Султан-Ахмед-хана к ген. Тормасову, 1870 // АКАК. Тифлис. Т. 4.
- РГАДА. Ф. Колл. ин. дел. «Кумыцкие дела». Д. б/н.
- РГАДА. Ф. Колл. ин. дел. «Кумыцкие дела». Д. 3.
- Русско-дагестанские отношения XVII - первой четверти XIX вв., 1958. / Состав. Р.Г. Маршаев. Махачкала
- Русско-дагестанские отношения в XVIII - начале XIX в. 1988: Докум. и матер / Состав В.Г. Гаджиев, Д.-М.С. Габиев, Н.А. Магомедов и др. М.
- РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60.
- Фаталиева Х.Р.*, 1999. Аварское нучальство в XVIII веке (Социально-экономическое, политическое и культурное развитие): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала.
- Феодальные отношения в Дагестане. XIX - начало XX в. 1969. Архив, матер. / Составл., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.
- ЦГА РД. Ф. 339. Оп. 1. Д. 47.

- Челеби Э.*, 1979. Книга путешествия: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М. Вып. 2.
- Тизенгаузен В.Г.*, 1941. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.:ЛТ.П.
- Шихсаидов А.Р.*, 1976. Дагестан в X-XFV вв. Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала.